

М.А. Корзо

Ростовщичество в богословско-канонической мысли и конфессионально-культурные практики раннего Нового времени

Корзо Маргарита Анатольевна – кандидат исторических наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID 0000-0001-6299-5187
e-mail: korzor@zmail.ru

Понимание ростовщичество в западной богословской и канонической мысли задавалось текстами Св. Писания, философскими построениями античных мыслителей, но также и социально-экономическими реалиями той или иной эпохи. Значение латинского термина «*usura*» претерпело значительные изменения, сужаясь со временем и ограничиваясь до определенных контрактов (*mutuum*). Ростовщичество имело нравственное измерение, поскольку экономическое поведение христиан было значимо для спасения души. Из греха преимущественно против заповеди любви «*usura*» эволюционирует в грех против справедливости. Ростовщичество имело также социальное измерение: словом «ростовщик» могли стигматизировать тех, кто не принадлежал к той или иной социальной (профессиональной) или церковной общности. В эпоху конфессионального размежевания раннего Нового времени каждая из конфессий стремилась сформулировать новую экономическую этику, которая бы больше соответствовала актуальным экономическим практикам и тенденциям. Видимое сходство разных конфессиональных позиций не всегда свидетельствовало об идентичности аргументации в пользу допустимости умеренного ростовщического процента. При этом у многих протестантских мыслителей, несмотря на нюансы их позиций, можно выделить общий момент в подходе к ростовщичеству и к связанным с ним проблемам, который отличал их от католиков: акцент делается скорее на индивидуальной совести христианина (именно она определяет экономическое поведение индивида), а не на внешней регуляции, хотя у светской власти сохраняются значимые рычаги контроля за кредитной деятельностью.

Ключевые слова: ростовщичество, милосердие, справедливость, воздаяние, обязанность, социальная стигматизация, схоластика, каноническое право, моральное бого-

слова, Д. Лайнез, М. Лютер, У. Цвингли, Ж. Кальвин, нравственно-назидательная литература

Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост. Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост... (Втор. 23:19–20)

И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ...Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего (Лк. 6:34–35)

Ветхозаветное предписание, которое противопоставляло полный запрет на любые ростовщические операции с представителем своего (иудейского) народа и их допустимость по отношению к чужакам, и евангельское требование безвозмездного благотворения стали ключевыми библейскими текстами, вокруг которых богословы и канонисты выстраивали аргументы против практики ростовщичества.

Латинский термин для обозначения ростовщических операций «*usura*» восходит к памятникам римского права и используется уже раннехристианскими авторами. Данное понятие в разные эпохи применяется для описания различных экономических практик и далеко не сразу обретает устойчивый терминологический статус, обозначая первоначально любую хозяйственную выгоду, которую экономически более сильный субъект извлекает из положения экономически более слабого [Мајка, 1958, 62]. Богословская и каноническая мысль долго оперировала довольно общим определением: «*usura*» возникает тогда, когда требуется больше того, что было дано¹. На протяжении Средневековья происходит постепенное сужение значения «*usura*»: термин начинает применяться только к одной-единственной разновидности договоров займа и выводит многие другие контрактные отношения за скобки рассмотрения и, соответственно, нравственного осуждения. С началом раннего Нового времени сфера экономического начинает постепенно эмансипироваться от религиозно-нравственного, а дискуссии о допустимости ростовщичества все чаще ведутся с позиций экономического реализма, а не в контексте рассуждений о грехе и спасении души. Наряду с этим в ряде европейских языков постепенно утрачивают негативный оттенок слова, с помощью которых традиционно описывали ростовщические операции и тех, кто ими занимается².

В настоящем исследовании будет рассмотрено осмысление практики ростовщичества в богословской и канонической мысли; проанализированы аргументы *contra* и *pro* ростовщического процента в католической и протестантской мысли; показано, в какой степени богословские идеи отражались в нравственно-назидательных сочинениях и конфессионально-культурных практиках раннего Нового времени.

¹ «*Usura est, ubi amplius requiritur, quam quod datur*» [Corpus Iuris Canonici, 1879, 735].

² Так произошло на протяжении XVI в., например, с немецким словом «*Wucher*» [Wayne Baker, 1974, 51].

Ростовщичество в богословской и канонической мысли до раннего Нового времени

Раннехристианские авторы не предложили единого определения понятия «ростовщичество» и не считали, что это явление напрямую проистекает из факта обладания значительными материальными ценностями, но является проявлением греха алчности. Осуждению подвергались как формы кредитного ростовщичества, так и товарного и в сфере обслуживания [Мајка, 1958, 63], поскольку все они способствовали разрушению социальных связей и наносили, таким образом, вред всему обществу.

Осуждая ростовщичество, богословы апеллировали в первую очередь к ветхозаветным ограничениям (Исх. 22:25–26; Лев. 25:36; Втор. 23:19–20; Пс. 15(14):5; Иез. 18:8, 22:12), которые понимались как универсальные запреты, без разделения на «своих» и «чужих», сохранившие свою силу и для последователей Христа, поскольку в них содержится обобщение христианской общественной жизни. Евангельское требование Лк. 6:34–35 понималось как развитие и превосхождение ветхозаветных норм, но при этом не как абсолютное требование, но как благочестивый совет. Можно отметить лишь единичные голоса, ратовавшие за буквальное понимание фрагмента Втор. 23:19–20: категорический запрет на ростовщические операции с ближним и своим, но допустимость с чужаком. Амвросий Медиоланский отождествлял чужаков с врагами и предложил максимуму «когда действует право войны, тогда также действует право ростовщичества» (*ubi ius belli, ibi etiam ius usurae*) [Maloney, 1973, 255, 264–265]. В эпоху крестовых походов этот принцип использовался для оказания экономического давления на иноверцев, чтобы принудить их к принятию христианства [Nelson, 1969, 6]. Влиятельный богослов Каролингского Возрождения Рабан Мавр видел в чужаках Втор. 23:19–20 маргинальные и преступные слои общества [Душин, 2017, 32]. Значимыми для раннехристианских авторов были размышления о ростовщичестве античных мыслителей (Платона, Аристотеля, Плутарха, Цицерона³) и их развитие иудео-христианскими богословами (Филон Александрийский). Практика ростовщичества понималась и как противная милосердию и человеколюбию (взимание процента бесчеловечно по отношению к бедным, которые олицетворяют Иисуса Христа), но также и единству человеческой природы («[дающий в долг] не думает о единстве [своей] природы [с должником]» [Василий Великий, 2008, 335]).

Немилосердность ростовщичества по отношению к обездоленным сильнее акцентировалось в нравоучительных сочинениях, в которых взимание процента рассматривался сквозь призму двоякого вреда. Первый причиняется самому берущему в долг под проценты, поскольку кредиты не уменьшают, но, наоборот, приумножают его нужду: ростовщик выступает в роли плохого врача, вместо лечения прилагая все усилия, чтобы усугубить состояние пациента. К тому

³ Значимой оказалась встречающаяся у Цицерона аналогия между ростовщичеством и убийством. В трактате «Об обязанностях» Цицерон приводит рассуждения Катона о наиболее выгодных для хозяйства формах деятельности: когда того спросили, «выгодно ли для хозяйства “отдавать деньги в рост”, – то Катон спросил: “А убить человека?”» [Цицерон, 1974, 124].

же чаще всего к ссудам прибегают те, кто одержим грехом алчности и склонен к чрезмерному расточительству. Вред претерпевает и лицо, которое ссужает деньгами, поскольку ввергает себя в состояние греха [Василий Великий, 2008, 334, 339; Maloney, 1973, 242–250, 257]. В богословско-назидательной и канонической литературе вред второго рода описывался словами папы Льва I: получающий проценты от ссуды убивает свою душу («Fenus pecuniae funus est animae»).

У отдельных представителей патристики (каппадокийцы, Амвросий Медиоланский) появляется сформулированный Аристотелем и востребованный впоследствии схоластами аргумент «бесплодности денег», т.е. неспособности денег по своей природе к росту и численному увеличению [Аристотель, 1984, 395]. Так, Григорий Нисский в поучении «Против ростовщиков» убеждает свою паству, что нельзя требовать «роста от меди и золота, веществ не могущих произращать» [Григорий Нисский, 1865, 465]. Воспроизводя в той или иной степени линию рассуждения Аристотеля, раннехристианские авторы нигде напрямую на него не ссылались [Maloney, 1973, 255].

Встречающееся в отдельных сочинениях отождествление «usurae» с кражей (формула Амвросия Медиоланского «если кто-то берет процент, то он совершает кражу» («si quis usuram accipit, rapinam facit»), воспринятая канонистами (см.: [Corpus Iuris Canonici, 1879, 738]) и эмоциональное высказывание Августина, что убивающий бедняка процентами ростовщик более жесток, нежели разбойник [Augustinus, 1845, 665]) станет устойчивым топом богословских и канонических сочинений последующих эпох, перекочет также в нравственно-назидательную литературу раннего Нового времени (грех ростовщичества войдет в перечень нарушений заповеди Декалога «не укради»).

В раннехристианской мысли термин «ростовщичество» мог использоваться и в позитивном значении. Так, Амвросий Медиоланский называет милостыню «достойным похвалы ростовщичеством» (*usura laudabilis*) в контексте толкования фрагмента Притч 19:17: «Благотворящий бедному дает займы Господу; и Он воздаст ему за благодеяние его» [Ambrosius Mediolanensis, 1845, 781]. О ссуде бедным, проценты за которую с лихвой возвращаются в небо, рассуждает и Василий Великий [Василий Великий, 2008, 340]. Евангельская притча о талантах (Мф. 25:27; Лк. 19:23) истолковывалась исключительно через призму духовного ростовщичества.

Церковное право долгое время было менее категорично, чем богословская мысль: ранние памятники вводят запрет в первую очередь для представителей клира⁴, а миряне в контексте практики ростовщичества упоминаются лишь в единичных случаях⁵. Запрет для светских лиц появляется раньше в западно-

⁴ 44-е апостольское правило, 17-й канон I Вселенского, Никейского собора, 4-е правило Лаодикийского поместного собора. Аналогичные канонические прещения за занятия ростовщичеством провозглашались на VI Вселенском Константинопольском и на Карфагенском поместном соборах [Каноны или Книга Правил].

⁵ Например, в 5-м правиле Карфагенского поместного собора [Каноны или Книга Правил]. Эльвирский поместный собор начала IV в. вводит прямой запрет для светских лиц, хотя

христианском ареале (“Admonitio generalis” Карла Великого 789 г.) с апелляцией в том числе и к посланиям Льва I [Schima, 2010, 250, 253–254].

Именно в сочинениях западных канонистов понятие «ростовщичество» с XII в. приобретает устойчивый терминологический статус, суживаясь только до определенных договоров займа, обозначаемых воспринятым из римского права термином «mutuum» [Мајка, 1958, 60, 64]. В многочисленных трактатах о контрактных отношениях последующих эпох (“De contractibus”) «usura» всегда фигурирует как одна из самостоятельных разновидностей контрактов, обособленно от других [Bukała, 2011, 103, 107–108, 111–112]. Тенденция к дальнейшему ограничению понятия «usura» выражалась в обосновании разных исключений, которые тиражировались канонистами в форме мнемотехнических стихов (например, схема из 12-ти пунктов итальянского кардинала начала XIV в. Генриха Сузского [Nelson, 1969, 18]). Богословие «исключений» достигает своего рода кульминации в начале XVI в. в сочинениях итальянского доминиканца Фомы Каэтана.

Одновременно с сужением понятия «usura» памятники канонического права начинают разграничивать полезные для социума и приносящие плоды кредитные операции (в первую очередь с участием церковных институций и иных публичных субъектов (ремесленных цехов, купеческих гильдий, др.)) и недопустимые кредитные операции отдельных индивидов, находящихся вне официальных церковных институций и структур городской жизни, к которым главным образом и применяется понятие «ростовщичество» [Corpus Iuris Canonici, 1879, 618]⁶. Таким образом, кредит как социально необходимый экономический инструмент, который ассоциируется с образом трудолюбивого торговца, противопоставлялся ростовщичеству как экономическому проявлению социальных девиаций нехристиан, не граждан и полу-граждан, чужаков и маргиналов⁷. II Латеранский собор 1139 г. определяет «ростовщика» как особую социальную фигуру [Todeschini, 2012, 125, 127–128]; III Латеранский собор 1179 г., который вводит понятие «явные (закоренелые) ростовщики» (*usurarii manifesti*), выступает с осуждением религиозного движения катаров [Mansi, 1778, 231], члены которого были активно вовлечены в торгово-кредитные отношения; Вьеннский собор 1311–1312 гг. для обозначения закоренелых ростовщиков использует понятия «чужеземец» и «еретик» [Mansi, 1782, 411]. Церковное право вводило ограничения на оседлость для чужаков и пришельцев, занимавшихся ростовщичеством, как превентивную меру для оздоровления нравственного климата городов [Schima, 2010, 266], также ряд мер, направленных на исключение нераскаявшегося ростовщика из жизни церков-

---

подлинность постановлений собора окончательно не установлена [Schima, 2010, 246].

⁶ Несмотря на признание определенных социальных практик, в церковном законодательстве не рассматривается тема о допустимых границах процентов на денежные ссуды, за исключением 27-го канона IV Латеранского собора 1215 г., в котором евреям пригрозили утратой возможности торговать с христианами, если они будут взимать более высокие проценты, нежели установлены светским правом [Mansi, 1778, 1054–1055].

⁷ Эти тенденции отразились и в вернакулярных языках: в немецком в XIII–XIV вв. понятие «ростовщичество» могло использоваться как обобщенное для различных форм асоциального поведения [Pawlas, 2021, 21–22].

ной общины как при жизни (запрет участвовать в богослужении, приступать к таинствам), так и после смерти (запрет хоронить на церковном кладбище) [Mansi, 1776, 529–530]. Закоренелые ростовщики не могли выступать свидетелями в суде, их акты последней воли не имели силы и не подлежали исполнению [Mansi, 1780, 99–100]; завещать полученные ростовщицеством деньги нельзя было даже для нужд благотворительности [Corpus Iuris Canonici, 1879, 738].

Не в последнюю очередь под влиянием канонистов ростовщицество начинает пониматься не только как грех против заповеди любви, но и как грех против справедливости (одно из ранних свидетельств – декреталия Урбана III 1187 г. “*Consulvit nos*”), за которым с неизбежностью должно последовать возмещение ущерба (*restitutio*). И в постановлениях церковных соборов (не позднее II Латеранского) все чаще акцентируется, что ростовщические операции чреватые не только наказанием для кредитора, но и воздаянием пострадавшему [Mansi, 1776, 529–530].

Хозяйственная этика, которая была в фокусе внимания преимущественно канонистов, на протяжении XII в. становится также областью схоластического богословия. Схоласты рационализируют аргументы против ростовщицества в первую очередь с позиций естественного разума, понимая новозаветные предписания (например, Лк. 6:34–35) не столько как безусловное требование, сколько как благочестивый совет. Сохраняется использовавшийся уже патристикой аргумент «бесплодности денег», проговаривается противоестественность платы за время (поскольку время человеку не принадлежит и не может быть предметом торговли), порицается получение прибыли, которая не связана с честным трудом, акцентируется поспраие ростовщиком коммутативной справедливости [Monsalve, 2014].

Происходит дальнейшее сужение понятия «*usura*» в первую очередь за счет выработки внешних оснований, оправдывающих взимание процента с кредита (вознаграждение за возможный урон кредитора из-за недостатка наличных (*damnum emergens*), упущенная прибыль (*lucrum cessans*) и риск утраты капитала в результате банкротства, смерти должника и т.п. (*periculum sortis*)). Нравственной оценке в этих случаях подлежала степень соразмерности процента сумме денежного займа. Также поздние схоласты (Антоний Флорентийский и др.) начинают принимать во внимание умысел (*intentio*) кредитора: если ссуда дается с намерением нажиться, то речь идет о ростовщицестве; если изначально такого намерения не было, но возвращаемая сумма превышает полученную в долг, то такой контракт квалифицируется просто как несправедливый. Схоластическая мысль учитывает также добровольность действий заемщика: выплата им процентов за полученную ссуду, например, под влиянием чувства благодарности за оказанную помощь, освобождает кредитную операцию от налета ростовщицества в соответствии с максимой римского правоведа Ульпиана «изъявляющему желание вред не причиняется» (“*volenti non fit iniuria*”) [Langholm, 1998, 60; Majka, 1958, 66; Monsalve, 2014, 219, 233].

С конца XII в. тема ростовщицества становится предметом интереса и практического богословия. Об этом свидетельствует в том числе смещение акцентов в иерархизации смертных грехов: не только в богословских сочинениях

и проповедях, но и в изобразительном искусстве и литературных памятниках алчность (*avaritia*) начинает вытеснять с первого места грех гордыни (*superbia*). В рассуждениях практикующих моралистов (например, францисканцев) особое значение приобретают слова апостола Павла «корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6:10) [Little, 1971, 20–27]⁸. В условиях меняющейся экономической реальности встает задача практического приложения к исповедальной практике выработанных каноническим правом и схоластическим богословием подходов. Сохраняя восходящее к патристике отождествление «*usurae*» с кражей, схоласты относили к ней только отторгнутое против воли заемщика. И этот аргумент (ростовщичество только там, где берущий ссуду платит проценты вопреки его истинной воле) в XV в. проникает и в пособия для исповедников. Но даже и в случае добровольного согласия на выплату процентов, заемщик может грешить, поощряя кредитора к совершению неблагоприятного поступка (со ссылкой на Рим. 1:32) [Langholm, 1998, 65–68]. Понимание ростовщичества как попрания справедливости, за которым должно последовать возмещение ущерба, превращает в исповедальной практике «*restitutio*» в одно из условий получения прощения грехов. В пособиях по исповеди встречаются две полярные позиции: для прощения греха ростовщичества достаточно раскаяния и устной декларации о намерении возместить ущерб и максима Августина «грех не может быть прощен до тех пор, пока не будет возвращена взятая вещь»⁹. Именно вторая позиция возобладала впоследствии в нравственно-назидательных сочинениях католиков раннего Нового времени, хотя она и смягчалась выработкой ряда легитимных условий и оснований отсрочки возмещения (например, обнищание кредитора).

Сужение понятия «*usura*» находит свое отражение и в санкционированных Церковью экономических практиках. Во второй половине XV в. получают широкое распространение возникшие первоначально в Италии *Monte di Pietà* – благочестивые банки, выдававшие определенным категориям населения ссуды как деньгами, так и, например, зерном. Взаимные проценты не считались ростовщическими, поскольку полученные сверх выделенных кредитов суммы были предназначены на покрытие затрат на функционирование банков. *Monte di Pietà* основывались на экономическом реализме, понимались как меньшее зло по сравнению в первую очередь с кредитными практиками евреев. Патрулируемые преимущественно францисканцами-обсервантами, эти банки были призваны выполнить также и нравственно-дисциплинирующую задачу: превратить бедняков в добропорядочных граждан, сокращая тем самым число людей с антисоциальным поведением [Pullan, 2004, 22 прим.].

⁸ О восприятии алчности как тяжкого греха свидетельствует и то, что Данте в «Божественной комедии» помещает ростовщиков и содомитов в один круг ада.

⁹ «*Non remittitur peccatum, nisi restituatur ablatum*» [Augustinus, 1845, 662].

Осмысление ростовщичества в эпоху конфессионального размежевания раннего Нового времени

Раннее Новое время характеризуется новым всплеском внимания к теме ростовщичества и связанным с ним проблемам нравственного характера¹⁰. В католическом моральном богословии сосуществуют два основных подхода: ригористический и более умеренный, который в значительной степени учитывает динамично меняющуюся социально-экономическую реальность. Видным представителем первого был Диего Лайнез – испанский богослов, второй генерал Общества Иисуса. Его «Рассуждение о ростовщичестве и разнообразных занятиях купцов» (“Disputatio de usura variisque negotiis mercatorum”) создавалось ок. 1554 г., вероятнее всего, как пособие для исповедников Ордена иезуитов, которые, будучи практикующими моралистами, ратовали за нравственное дисциплинирование экономической деятельности. Выступая с категоричным осуждением ростовщичества, Лайнез апеллирует в первую очередь к недопустимости дискриминации ближнего; нарушение коммутативной справедливости причиняет не только материальный, но и моральный урон ближнему как партнеру в экономической жизни и всему сообществу ближних, который невосполним простым возмещением нанесенного ущерба. Среди критериев дозволенности или недозволенности контрактов иезуит называет риск дурной репутации для одного из участников договора. Лайнез вновь обращается к почти сошедшей на нет в католическом богословии идее, что брать деньги взаймы без крайней нужды – это грех. Берущий также создает условия для совершения греха тем лицом, которое ссужает его деньгами. Иезуит предлагает ряд практических «лекарств» (*remedia*) для реализации прописанных в «Рассуждении» норм как представителями церковной, так и светской власти; самой действенной для Лайнеза является ригористическая практика исповеди [Lainez, 1886, 227–321; Bauer, 1968, 557–578].

Впоследствии позиция Лайнеза нашла свое выражение как минимум в двух кампаниях экономического дисциплинирования: борьбе иезуита Петра Канизия за ограничение узаконенной к тому времени традицией и светским правом 5% ссуды (т.н. *contractus Germanicus*) в одном из значимых центров финансовых операций Империи – Аугсбурге и в ригористичном церковном законодательстве Миланского архиепископа Карло Борромео. Римская Генеральная Конгрегация иезуитов 1573 г. также заняла довольно категоричную позицию, признавая право выдавать небольшие процентные ссуды только за ограниченными категориями «бедных» людей (вдовы, мелкие торговцы), для которых это было главным источником дохода. В духе «Рассуждений» Диего Лайнеза

¹⁰ Об этом свидетельствует в том числе и появление значительного числа самостоятельных трактатов о ростовщичестве на национальных языках: на испанском францисканца Луиса из Алкалы (“Tractado de los prestamos que passan entre mercaderes y tractantes”, 1546), на английском дипломата и государственного деятеля Томаса Вильсона (“A Discourse upon Usury”, [1572]) и англиканца Роджера Фентона (“A Treatise of Usurie”, 1611), на польском иезуита Мартина Смиглецкого (“O Lichwie”, 1596). Стоит отметить, что трактат Смиглецкого оказал влияние на рассуждения о ростовщичестве в первом восточнославянском сочинении по моральному богословию «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669).

выдержана и булла Сикста V 1586 г. (“*Detestabilis avaritia*”) [Hansen, 1964; Bauer, 1968, 567–568, 578].

Категоричным оставалось отношение к ростовщическому проценту в практических пособиях для исповедников и в литературе назидательного характера (грех ростовщичества рассматривался в контексте толкования заповеди Декалога «Не укради»). «*Usura*» выступала как разновидность кражи, подробно проговаривался порядок возмещения ущерба как условия получения прощения грехов и расширялся круг лиц, на которых эта обязанность распространялась (включая тех, кто сопровождал заключение кредита и кто склонил к заключению сделки советом). Оставался в силе запрет прощать грехи злостным ростовщикам даже на ложе смерти, пока они или их доверенные лица не возместят украденного [Toledo, 1609, 582, 620–624, 626].

Более умеренный подход католического морального богословия (Луис де Молина, Леонард Лессиус, Хуан де Луго, др.) формируется под влиянием испанской схоластики, которая выстраивает учение об «*usura*» в привязке к новой экономической реальности и дает нравственную оценку не столько явлению ростовщичества как таковому, сколько конкретным прецедентам хозяйственной деятельности. В этом подходе заметна тенденция к дальнейшему сужению понятия «*usura*» и тем самым к обходу запрета на ростовщичество, в том числе за счет расширения числа внешних обоснований права взимать процент. В похожем ключе выдержана и энциклика 1745 г. папы Бенедикта XIV (“*Vix pervenit*”), ставшая ответом на одну из дискуссий о ссудном проценте. Признававшиеся на доктринальном уровне послабления не отменяли тем не менее самого принципа, «что никакая сделка не должна быть извлечением выгоды из вынужденного положения партнера» [Майка, 1994, 176–178].

Представители разных течений протестантизма придерживались несколько отличающихся взглядов. Для лидеров Реформации было важно дистанцироваться от католической позиции, но при этом они не вдавались в детальный разбор схоластических рассуждений, отзываясь главным образом на аргумент «бесплодности денег» (от которого уже отказался и целый ряд католических мыслителей, например, Кэтан [George, 1957, 460]) и ветхозаветные ограничения и запреты [Wayne Baker, 1974, 50]. Одним из катализаторов богословского интереса к проблеме ростовщичества стали радикальные социальные и религиозные течения: как ответ на этот вызов некоторые деятели Реформации пересмотрели свою категоричную точку зрения в пользу некоторого допущения ростовщического процента¹¹.

Ригоризм позиции раннего Лютера (запрет любого дохода от ссуды) схож с ригоризмом Лайнеза с той лишь разницей, что иезуит ратовал за возвращение к традиционным церковным ограничениям и за отказ от многочисленных внешних обоснований права взимать процент, в то время как реформатор – за буквальное воплощение в жизнь евангельских предписаний («кто захочет...

¹¹ На Мартина Лютера повлияла крестьянская война в Германии [Calder, 2016, 232–233]; в противостоянии с радикальной идеологией анабаптизма сформировался подход Генриха Буллингера (“*Fründtlicher bericht von dem handel der Zinsen*”, 1531), предвосхитивший позицию Жана Кальвина [Wayne Baker, 1974, 58].

взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; ...Прозящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся», Мф. 5:40, 42), выстраивая трехуровневое отношение христианина к земным благам как некий нравственный ориентир («Проповедь о ростовщичестве», 1520). Главный аргумент о безнравственности ростовщичества Лютер черпает из золотого правила, прибегая к тезису «бесплодности денег» только в единичных случаях [Luther, 1888, 36, 41, 47, 54]. Безоговорочный запрет сменяется впоследствии допустимостью взимания небольшого ростовщического процента. Во вступительной части сочинения «О торговле и ростовщичестве» (“Von Kaufshandlung und Wucher”, 1524) Лютер в очередной раз отстаивает право каждого христианина не только изучать, но и интерпретировать тексты Евангелия; способный же понять Евангелие человек также способен самостоятельно вынести суждение о таких простых и внешних для христианина вещах, как торговля и кредит (что достойно и что недостойно), а главным арбитром в принятии решения выступает совесть христианина¹². В этом суждении можно увидеть переключку с позицией позднего Кальвина [Bauer, 1968, 578; Singleton, 2011].

Представители швейцарской Реформации (Ульрих Цвингли) исходили из несоответствия практик ростовщичества первоначальному замыслу Бога, который был отражен в евангельском предписании Лк. 6:34–35 – недостижимом для грешного человека, как и недостижима для человека божественная праведность. Недостойно христиан заниматься ростовщичеством, но если контракт заключается в соответствии с нормами установленного людьми права, то такой контракт подлежит обязательному исполнению в соответствии с Рим. 13:7 («Итак отдавайте каждому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь»). Размер процента по кредитам регулируется светской властью, которая должна стремиться гармонизировать экономические практики с христианскими заповедями и в обязанности которой входит максимальное облегчение процентных тягот для неимущих. Похожие идеи развивал и лидер реформатской Церкви в Цюрихе Буллингер [Wayne Baker, 1974, 53–56, 58, 60–66].

В богословском наследии Кальвина очень мало прямых деклараций на тему ростовщичества. Одно из наиболее развернутых его рассуждений содержится в письме от 1545 г. (“De usuris responsum”), в котором признается допустимость взимания процентов в контрактах между людьми равного достатка и в той степени, в какой это не противоречит справедливости [Calvin, 1575, 355–357]. Реформатор различает кредиты, связанные с острой жизненной необходимостью (т.е. для потребления), и кредиты для развития торговли и иных форм экономической деятельности. Нравственному регулированию подлежат главным образом первые; но и в этом случае не каждый процент является ростовщическим, но только та прибыль, которая получается с причинением вреда, потому любые контрактные отношения богатых с бедными категорически осуждаются [George, 1957, 458; Hawkes, 2010, 81–83]. В основу коммерческих трансакций должно быть положено золотое правило, а вопрос

¹² «...die ienigen, so das Evangelion verstehen, selbst aus eygenem gewissen wol kunden urtheylen ynn solchen euserlichen leichten sachen, was billich und unbillich sey» [Luther, 1899, 293].

допустимости или недопустимости той или иной кредитной операции решается не на основе интерпретации библейских запретов и предписаний¹³, но на основе анализа каждого конкретного казуса и намерения вовлеченных в операцию лиц [Noonan, 1957, 365; Valeri, 2011, 145–146].

* * *

Запрет ростовщичество в западной богословской и канонической мысли не был никогда абсолютным и безусловным, зависел в значительной степени от того, как богословы и канонисты отзывались на социально-экономические реалии своей эпохи. Ростовщичество имело нравственное измерение, поскольку экономическое поведение христиан было значимо для спасения души. Ростовщичество имело также социальное измерение: словом «ростовщик» могли стигматизировать тех, кто не принадлежал к той или иной социальной (профессиональной) или церковной общности [Todeschini, 2012, 122, 128, 130].

В эпоху конфессионального размежевания каждая из конфессий стремилась сформулировать новую экономическую этику, которая бы больше соответствовала актуальным экономическим практикам и тенденциям. Видимое сходство разных конфессиональных позиций не всегда свидетельствовало об идентичности аргументации в пользу допустимости умеренного ростовщического процента. При этом у многих протестантских мыслителей, несмотря на нюансы их позиций, можно выделить общий момент в подходе к ростовщичеству и к связанным с ним проблемам, который отличал их от католиков: акцент делается скорее на индивидуальной совести христианина (именно она определяет экономическое поведение индивида), а не на внешней регуляции, хотя у светской власти сохраняются значимые рычаги контроля за кредитной деятельностью.

Usury in Theological and Canonical Thought, and Confessional-Cultural Practices of the Early Modern Times

Margarita A. Korzo

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-6299-5187

e-mail: korzor@zmail.ru

The understanding of usury in Western theological and canonical thought was determined by the texts of the Holy Scriptures, the philosophical ideas of ancient thinkers, but also by the socio-economic realities of a particular epoch. The meaning of the Latin term “usura” underwent significant changes, narrowing over time and limiting itself to certain contracts

¹³ Стоит отметить, что те представители протестантских конфессий, которые защищали процентную прибыль, делали акцент на том, что ветхозаветные запреты касались только примитивной сельскохозяйственной экономики [Valeri, 2011, 143].

(mutuum). Usury had a moral dimension, since the economic behavior of Christians was significant for the salvation of the soul. From a sin primarily against the commandment of love, “usura” evolves into a sin against justice. Usury also had a social dimension: the word “usurer” could stigmatize those who did not belong to a particular social (professional) or ecclesiastical community. In the era of confessional demarcation of the Early Modern times, each of the denominations sought to formulate a new economic ethics that would be more in line with current economic practices and trends. The apparent similarity of the different confessional positions did not always indicate the identity of the arguments in favor of the permissibility of moderate usurious interest. At the same time, many Protestant theologians, despite the nuances of their positions, can identify a common point in their approach to usury and related problems that distinguished them from Catholics: the emphasis is rather on the individual conscience of the Christian, that determines the economic behavior of the individual, than on external regulation, although the secular authorities retain significant levers of control over lending activities.

Keywords: usury, charity, justice, restitution, obligation, social stigmatization, scholastics, canon law, moral theology, D. Laínez, M. Luther, J. Calvin, moral and edifying literature

Литература / References

- Аристотель*. Политика / Пер. С.А. Жебелева // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4 / Ред. А.И. Доватур. М.: Мысль, 1984. С. 375–644.
- Aristotle. “Politika” [Politics], transl. by S.A. Zhebelev, in: Aristotle. *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 Vols.], Vol. 4, ed. by A.I. Dovatur. Moscow: Mysl’ Publ., 1984, pp. 375–644. (In Russian)
- Василий Великий*. Беседа на окончание 14-го псалма и на ростовщичество // *Василий Великий*. Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская Благовонница, 2008. С. 335–340.
- Basil the Great. “Beseda na okonchanie 14-go psalma i na rostovshchичество” [On Psalm 14, against Usury], in: Basil the Great, *Tvoreniya v 2 t.* [Works in 2 Vols.], Vol. 1. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2008, pp. 335–340. (In Russian)
- Григорий Нисский*. Против ростовщиков // *Григорий Нисский*. Творения. Ч. 7. М.: Тип. В. Готье, 1865. С. 457–473.
- Gregory of Nyssa. “Protiv rostovshchikov” [Against Usury], in: Gregory of Nyssa, *Tvoreniya* [Works], Part 7. Moscow: V. Got’e Publ., 1865, pp. 457–473.
- Душин О.Э.* Схоласты об usura: дискурс совести и этос средневековых городов // *Метаморфозы истории*. 2017. № 9. С. 29–41.
- Dushin, O.E. “Skholasty ob usura: diskurs sovesti i ehtos srednevekovykh gorodov” [Scholastics about Usury: Discourse of Conscience and Ethos of Medieval Towns], *Metamorfozy istorii*, 2017, No. 9, pp. 29–41.
- Майка Ю.* Социальное учение Католической Церкви. Опыт исторического анализа / Пер. с польск. А.В. Гура. Рим; Люблин: Изд-во Святого Креста, 1994.
- Majka, J. *Sotsial’noe uchenie Katolicheskoi Tserkvi. Opyt istoricheskogo analiza* [Katolicka nauka społeczna. Studium historyczno-doktrynalne], trans by. A.V. Gura. Rome; Lublin: Svyatogo Kresta Publ., 1994. (In Russian)
- Каноны или Книга Правил. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-ili-kniga-pravil/> (дата обращения: 15.06.2023).
- Kanony ili Kniga Pravil* [Canons or the Book of Rules] [<https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-ili-kniga-pravil/>], accessed on 15.06.2023]. (In Russian)
- Цицерон*. Об обязанностях // *Цицерон*. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Ред. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. М.: Наука, 1974. С. 58–156.

Cicero. "Ob obyazannostyakh" [On Duties], in: Cicero. *O starosti. O družhbe. Ob obyazannostyakh* [On Old Age. On Friendship. On Duties], eds. V.O. Gorenstein, M.E. Grabar'-Passek, C.L. Utchenko. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 58–156. (In Russian)

Ambrosius Mediolanensis. "De Tobia", *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*, ed. J.-P. Migne. T. 14. Parisiis: J.-P. Migne, 1845, col. 759–794.

Augustinus. "Epistola CLIII", *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*, ed. J.-P. Migne. T. 33. Parisiis: J.-P. Migne, 1845, col. 653–665.

Bauer, C. "Rigoristische Tendenzen in der katholischen Wirtschaftsethik unter dem Einfluß der Gegenreformation", *Adel und Kirche: Gerd Tellenbach zum 65. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern*, eds. J. Fleckenstein, K. Schmid. Freiburg: Herder, 1968, S. 552–579.

Bukała, M. "Wizja ekonomiczna mędykantów: Emptio – Venditio et Usura, Usura et Simonia", *Inter oeconomiam coelestem et terram. Mędykanci a zagadnienia ekonomiczne*, red. W. Długocki, T. Gałuszka, R. Kubicki, A. Zajchowska. Kraków: Esprit SC, 2011, ss. 103–122.

Calder, R. "God's Technicians: Religious Jurists and the Usury Ban in Judaism, Christianity, and Islam", *European Journal of Sociology*, 2016, Vol. 57, No. 2, pp. 207–257.

Calvin, I. *Epistolae et Responsa*. Genève: Pierre de Saint-André, 1575.

Corpus Iuris Canonici, ed. A. Friedberg. Pars I. Lipsiae: B. Tauchnitz, 1879.

George, C.H. "English Calvinist Opinion on Usury, 1600–1640", *Journal of the History of Ideas*, 1957, Vol. 18, No. 4, pp. 455–474.

Hansen, K. "Petrus Canisius's Stand on Usury: An Example of Jesuit Tactics in the German Counter Reformation", *Archiv für Reformationsgeschichte*, 1964, Vol. 55, pp. 192–203.

Hawkes, D. *The Culture of Usury in Renaissance England*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

Laínez, D. "Disputatio de usura variisque negotiis mercatorum", *Disputationes Tridentinae*, ed. H. Grisar. Vol. II. Innsbruck: F. Rauch, 1886, pp. 227–321.

Langholm, O. *The Legacy of Scholasticism in Economic Thought. Antecedents of Choice and Power*. Cambridge: Cambridge UP, 1998.

Little, L.K. "Pride goes before Avarice: Social Change and the Vices in Latin Christendom", *American Historical Review*, 1971, Vol. 76, No. 1, pp. 16–49.

Luther, M. "Eyn Sermon von dem Wucher. 1520", in: *D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 6. Weimar: Hermann Böhlau, 1888, S. 36–60.

Luther, M. "Von Kaufhandlung und Wucher. 1524", in: *D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Bd. 15. Weimar: Hermann Böhlau, 1899, S. 293–313.

Majka, J. "Ewolucja historyczna pojęć 'lichwa' i 'procent' a ich wzajemny stosunek", *Roczniki nauk społecznych*, 1958, Vol. 2, ss. 59–85.

Maloney, R.P. "The Teaching of the Fathers on Usury: A Historical Study on the Development of Christian Thinking", *Vigiliae Christianae*, 1973, Vol. 27, No. 4, pp. 241–265.

Mansi, J.D. *Sacrorum Conciliorum Nova, et amplissima collectio*. Vol. 21. Venezia: A. Zatta, 1776.

Mansi, J.D. *Sacrorum Conciliorum Nova, et amplissima collectio*. Vol. 22. Venezia: A. Zatta, 1778.

Mansi, J.D. *Sacrorum Conciliorum Nova, et amplissima collectio*. Vol. 24. Venezia: A. Zatta, 1780.

Mansi, J.D. *Sacrorum Conciliorum Nova, et amplissima collectio*. Vol. 25. Venezia: A. Zatta, 1782.

Monsalve, F. "Late Spanish Doctors on Usury, and the Evolving Scholastic Tradition", *Journal of the History of Economic Thought*, 2014, Vol. 36, No. 2, pp. 215–235.

Nelson, B. *The Idea of Usury. From Tribal Brotherhood to Universal Otherhood*. 2nd edition. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1969.

Noonan, J.T. *The Scholastic Analysis of Usury*. Harvard: Harvard UP, 1957.

Pawlas, A. Vom Wucherzins zur ethischen Geldanlage. Wirtschaftsethische Etappen und Aufträge aus Christlicher Sicht. Münster: LIT, 2021.

Pullan, B. "Charity and Usury: Jewish and Christian Lending in Renaissance and Early Modern Italy", *Proceedings of the British Academy*, 2004, Vol. 125, pp. 19–40.

Schima, S. "Die Entwicklung des kanonischen Zinsverbots. Eine Darstellung unter besonderer Berücksichtigung der Bezugnahmen zum Judentum", *Aschkenas. Zeitschrift für Geschichte und Kultur der Juden*, 2010, Vol. 20, No. 2, pp. 239–280.

Singleton, J.D. "'Money Is a Sterile Thing': Martin Luther on the Immorality of Usury Reconsidered", *History of Political Economy*, 2011, Vol. 43, No. 4, pp. 683–698.

Todeschini, G. "Usury in Christian Middle Ages. A Reconsideration of the Historiographical Tradition (1949–2010)", *Religion and Religious Institutions in the European Economy. 1000–1800*, ed. F. Ammannati. Firenze: Firenze UP, 2012, pp. 119–130.

Toledo, F. *de Summa casuum conscientiae*. Köln: J. Gymnich, 1609.

Valeri, M. "The Christianization of Usury in Early Modern Europe", *Interpretation: A Journal of Bible and Theology*, 2011, Vol. 65, No. 2, pp. 142–152.

Wayne Baker, J. "Heinrich Bullinger and the Idea of Usury", *The Sixteenth Century Journal*, 1974, Vol. 5, No. 1, pp. 49–70.